

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ЛАРИОНОВ

НА КРАЮ МИРА

Андрей Николаевич Ларионов

На краю мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015613

ISBN 9785448549182

Аннотация

Морская история о Джоне Вуде, что искал себе счастье на краю мира. Чтобы найти счастье, ему суждено пройти много испытаний и трудностей...

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Дневник матроса	8
День первый	8
День второй	10
День третий	12
День четвертый	14
День пятый	15
День шестой	17
День седьмой	19
День восьмой	21
День девятый	22
День десятый или одиннадцатый	23
День двенадцатый	24
День тринадцатый	25
День четырнадцатый	26
День пятнадцатый	27
День шестнадцатый	28
День семнадцатый	29
День восемнадцатый	30
День девятнадцатый	31
День двадцатый	32
День двадцать первый	33
День двадцать второй	34

День двадцать третий	35
Часть 2. На безымянной земле	36
День двадцать четвертый	36
День двадцать пятый	38
День двадцать шестой	40
День двадцать седьмой	42
День двадцать восьмой	44
День двадцать девятый	45
Часть 3. Мальва	46
День тридцатый	46
День тридцать первый	47
День тридцать второй	48
День тридцать третий	49
День тридцать четвертый	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

На краю мира

**Андрей Николаевич
Ларионов**

© Андрей Николаевич Ларионов, 2017

ISBN 978-5-4485-4918-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я Джон Вуд, бывалый моряк, что видел море не краем глаза. Путешествовал я много, бывал в разных частях света. Привычный пейзаж моей жизни: бесконечное море, соленый ветер и мои компаньоны. Сегодня я принял решение начать писать дневник воспоминаний. Здесь будут все мои воспоминания о моей жизни, как прошлых дней, так и настоящего.

На палубе у нас только брань и ругань. Мы пьем, как черти, а молимся Господу Богу лишь тогда, когда шторм топит наш корабль в темных пучинах вод. Однако в душе я еще верю, что в далеком будущем, все изменится. Все будет не так уныло, как сейчас.

Часть 1. Дневник матроса

День первый

Впервые за долгое время меня посетило чувство надежды и радости. Наверное, потому что во мне что-то изменилось. Я вчера много пил рому. Сегодня меня мучила изжога. Капитан с утра был очень тихий и спокойный. Его лицо отекло после попойки. Мы недавно отчалили от острова пурпурных домиков. Там были классные женщины. Мы наслаждались ими как могли. Они отдавались нам за золотые монетки с радостью и с улыбкой на лицах. Однако теперь мы опять одни в море. Не на суше. Пейзаж всегда одинаковый. Там лишь синяя вода, что плескается от горизонта до горизонта.

Нужно что-то менять в своей жизни. Возможно, нужно оставить море. Однако это будет тяжелое для меня решение. Нужно все взвесить за и против.

Меня мутило.

Опохмелиться было нечем, потому я просто глотал холодную воду в трюме из бочки, наливая ее в ковш. Думаю, все время про Нелли, с которой провел вечер на острове пурпурных домиков. Она, кажется, тоже шлюха, но от этого мне не было горько. Я не собирался ее делать своей женой, или даже просто девушкой. Мы наслаждались с ней любовью при

свете ярких звезд, что пылали в небе над нами.

Пальмы шелестели под порывами ночного ветра. Я ощущал, что он приносил откуда-то свежесть моря. Соленый вкус и запах не покидал меня уже никогда. Наверное, это уже врожденное предчувствие, от которого я не могу отделаться. Я дитя моря, что рожден был, чтобы бороздить этот бесконечный океан...

День второй

Настроение было паршивым прямо с утра практически. Капитан орал на всех моряков. Двое были публично избиты плетками. Их привязали к грот-мачте. Я видел их исполосованные спины, что вспухли от ударов. Плетки их отрезвила, кажется. Остальные помалкивали, работали.

Мне тоже чуть не попало за плохую работу. Капитан и мичман осматривали носовую часть корабля, когда я драил там палубу. Мичман поскользнулся на моей изрядно промоченной водой палубе. Грязно выругался, затем подошел ко мне. Орал мне на ухо, что у меня закладывало в перепонках. Капитан тоже поддержал видимо мичмана, строго стал осматривать мой наряд. Сказал мне, что я плохо одет. Нестиграно у меня все и просто не содержи в порядке свою одежду. В итоге меня с криками погнали в прачечную, что ютится рядом со столовой.

К вечеру я видел по правому борту какие-то далекие огни в сумерках моря. Закат почти умер на тот момент. Я же пытался рассмотреть, что мелькало там во мраке. Капитан отдавал приказ следить за теми странными огнями, что скрывались там вдали. Бинокль не помогал разглядеть источник света. Было слишком темно. Ни зги. Свет умер вместе с солнцем, и даже затухающий закат на востоке не помог нам. Лампадка светила у нас лишь одна в носовой части, у рубки капи-

тана. В остальной части нашего деревянного плавучего дома царила мгла.

Засыпал я опять с мыслями о Нелли. Возможно, глупо тосковать о шлюхе, но я так наивен душой на самом деле. Я сплю лишь с морскими волнами, что плещутся за стенами нашего корабля. Во сне даже я слышу те поскрипывания и стоны моря. Оно разговаривает с нами моряками, и однажды оно заберет нас к себе на дно...

День третий

Похолодало. Не знаю почему. Хотя мы не могли так далеко уйти на север. Наш корабль еще находится в теплом течении. Если смотреть вниз за борт, то можно увидеть, что вода там зеленоватая, и там зачастую мелькают силуэты рыбешек. Это удивительно. Кажется, они тоже мигрируют куда-то по морскому течению.

Небо хмурилось весь день. Я же думал опять о том, что нужно поменять в своей жизни. Юнга подрался с бородачом Смитом. Это думаю, не приведет ни к чему хорошему для обоих.

Я вот думаю, есть ли счастье где-то в этом мире? Риторический вопрос. Я не так груб и необразован, как может показаться на первый взгляд. У меня хорошее образование. Я получил его еще давно в своем родном городе. Отец отправлял меня учиться грамоте. Затем я еще поступил в монастырь. Много-много книг я читал изо дня в день. Наверное, потому я для капитана на этом корабле, в каком-то смысле незамеченный человек все же. Свободно могу общаться на испанском, английском, французском. Чуть-чуть знаю португальский и русский язык. Пишу свободно на испанском и английском языке.

Мою душу обуревают сомнения, и не потому что к вечеру начался шторм. Просто у меня какое-то предчувствие того,

что нужно что-то менять в своей жизни.

Небо же сгустилось до свинцовых оттенков. Море взбесилось. Оно неумное теперь пыталось поглотить наш корабль, но мы были сильнее моря. Мы же моряки, те которые не боятся даже погибнуть в морских глубинах.

День четвертый

Всю ночь мы боролись со штормом. Итог довольно печальный: одна мачта сломалась и раздробила левую часть деревянных конструкций корабля. Проломленные доски, мокрая соленая палуба. Так как сна было мало, потому я ходил сонный весь день, как тень по кораблю. Вспомнил почему-то про дни, когда впервые попал на корабль. Это было торговое судно, на котором были довольно добродушные купцы и наемные моряки. Морская болезнь у меня началась довольно скоро. От этого было лихо. Перед глазами плыли круги, чуть подташнивало, но я крепился.

Сейчас я не испытывал никакой морской болезни. Просто страшно хотел спать. Еще мучила жажда, но воду приходилось экономить по той причине, что ее не хватало уже. На днище образовалась небольшая пробоина, через которую вылетели бочки с пресной водой. Одна бочка застряла, закупорив собой все. Потому работы было много. Мы откачивали воду, носились по палубе, как очумелые. Капитан кричал надсадно всем. Кажется, его гортань создана была специально для таких громогласных криков. Любой моряк на нашем корабле больше всего боится на свете не черта морского, не шторма, не пиратов, а именно нашего капитана, в которого кажется, вселяется иногда что-то хуже самого беса из глубин вод.

День пятый

Я Джон Вуд, что некогда был очень примерным пасынком своего отца, сейчас сильно изменился. Я смачно матерюсь, как и все остальные моряки. Нас море перевоспитало. Теперь мы иные, чем раньше. Шрамы исполосовали тело почти каждого из нас. У меня огромный шрам на голове, что зацепляет мое лицо еще. Его я получил в сражении с пиратами у атолла моллюсков (как по старому наименованию). Они напали на нас, пытаясь взять на abordаж «Синюю птицу». Однако мы были сильнее их и готовы были сражаться до конца. Храбрости у нас было не меньше, чем у них. То сражение мы закончили фактически ничьей. Горы трупов, и враги вновь отступали назад, улепetyвали куда-то к горизонту моря, что погрузилось в морево заката.

Второе ранение я получил на левой руке. Там тоже шрам от меча и очень глубокий. Вернее его я получил от большого персидского кинжала, которым пытался меня прирезать в Каире, какой-то бородач со смуглым лицом и пепельными волосами. Ему не удалось меня убить. Я был сильнее и быстрее его. Хотя он нанес мне серьезную рану тогда. Когда я спросил его, кто послал его убивать меня, то тот ответил, что меня убить приказал советник эмира, что прибыл из Аравии в Египет, когда мы пришвартовались там. Эти слова смутили меня. Я никак не мог перейти ему дорогу, так как был

простым моряком на своем корабле «Синяя птица». Может это была ошибка или совпадение. Я не знаю. Так или иначе, потом на своем корабле я залечивал свои раны. Все зарубцевалось в итоге. Я человек моря, что не боится таких шрамов и страданий...

Этот день ничем не был примечательным. Мы плыли в пустоте морского горизонта. Юнга опять бубнил свои песни, когда напивался изрядно. Кажется, вина и рома на них хватает, остальным же уже ограничили доступ к алкоголю.

День шестой

Мы снова попали в шторм. «Синяя птица» трещала так сильно, как никогда. Я думал, что все мы умрем. Около двух часов ночи сначала треснула и рухнула одна мачта. Фок-мачту мы сами спилили, потому что хотели жить. Пенные волны поглотили частичку нашего корабля. На этом наши злоключения не закончились. Капитан, орущий во тьме, сообщил нам, что в трюме опять образовалась огромная дыра. Он кричал как полоумный. Дела были действительно плохи на этот раз. Я ощущал, как наше судно проседает и сильно. Спустившись вместе с остальными моряками в трюм по скрипучей лестнице, я обнаружил, что там совсем безнадёжная ситуация. Как тени плясали скользкие силуэты крыс, которые убежали прочь. Мы же пытались спасти ситуацию. Юнгу смыло куда-то в море через прореху, которую он пытался заставить бочонками с ещё одним моряком.

К часу третьему ночи, а может четвертому нас прижало к какому-то берегу. Крах был неминуем. Я едва ли спасся ли от хрустящих досок «Синей птицы». Скалы холодные и грозные были последним нашим испытанием. Корабль весь повалился на бок. Я помню, как в сырой соленой мгле падал куда-то в пустоту. Кто-то стонал в эти минуты. Кто-то умирал. Море ревело так сильно, что каждый из нас понимал, что морская стихия уничтожит нас с лёгкостью, если только

судьба не будет благосклонна к нам.

Я молился Богу за долгое время. Выбирался из залитого водой трюма, в котором плавали коробки, бочки и щепки «Синей птицы». Снаружи было не лучше. Неистовый дождь хлестал в лицо. Сильный ветер заставлял закрывать глаза, хотя там во тьме ничего не было видно. Мне чудилось в тот момент, что я еще слышу басистый голос капитана, что отдавал команды погибающему кораблю. Это всего лишь был ветер...

Если небо и слышит нас людей, то только тогда, когда мы сильно молим Его при свете ли зори, или в полдень. Я пробирался по скользкой палубе погибающего корабля, почти в бессознательном состоянии уже смог спуститься куда-то на скалы, и бежать, что есть силы как можно дальше от моря...

Где-то там, в сырой тьме в грохоте неба и моря, я заснул просто от неимоверной усталости и перенапряжения. Хотя это была тревожная дрема, пронизана периодическими пробуждениями. Я нахлебался воды, пока выбирался из трюма, и просто едва ли не утонул, как тот же наш юнга.

День седьмой

Пробуждение было ужасным. Я лежал на каких-то мокрых камнях покрытые не то мхом, не то водорослями. У меня были новые повреждения на теле. Левая рука вспухла, ржавый гвоздь вонзился в нее. Я даже не знаю, как это случилось, и почему я вчера этого не заметил. Возможно, адреналин в моей крови был на таком уровне, что я даже не почувствовал эту боль.

Я долго пытался выдернуть этот громадный гвоздь, что вонзился между большим и указательным пальцем. Превозмогая большую боль, мне все таки удалось выдернуть гвоздь из раны, которой потекла алая кровь.

На душе было тоскливо, когда я увидел, что «Синяя птица» представляла собой лишь жалкую грудку. Море стихло, хотя выглядело еще все неприветливо. Небо было серым и низким. Я обошел корабль, нашел там пару своих товарищей. Все они были мертвы. Один очевидно захлебнулся от воды, а второго придавила огромная конструкция корабля. Она разmozжила ему голову. Потому я даже не попытался проверить его состояние пульса.

Остальных я не нашел. Для убедительности залез даже на палубу, что еще частично сохранилась. Все-таки мы потерпели крушение, как это и не казалось мне раньше невозможным. Нам слишком долго везло. С таким капитаном, как

наш, можно было бороздить все океаны и моря в поисках края мира.

Я же уцелел. Пока не мог понять остров это или материк какой-то. И где я вообще был? Этого я пока не знал. У меня с собой была водонепроницаемая сумка, которую мне подарил отец, когда узнал о моем решении посвятить свою жизнь морю. Он не стал меня гнобить и упрекать тем, что я не стал дальше находиться в монастыре. Принял мое решение, как от человека, который уже созрел в мыслях и сам мог принимать свои решения.

День восьмой

Бесполезный день. Мое состояние ухудшилось. Ржавый гвоздь оказался, как укус змеи. Возможно, началось заражение крови. Я с утра искал пищевые запасы в развалинах своего корабля. Нашел коробку с провизией, приволок ее до тех камней, где я ночевал первый раз. Протащил ее еще дальше до небольшого углубления в скале, что-то вроде пещеры. Там я отключился. Вернее погрузился в какую-то странную болезненную дрему. Видения сменялись одно другим. Я видел моря, опять шторм. Я очевидно бредил. Выкрикивал имена своих близких, звал постоянно Нелли. Мне чудилось, что она рядом со мной и гладит меня по щекам. Это просто горело лицо от нарастающего жара.

День девятый

Я все еще болею. Мне даже трудно писать, и смотреть на яркий свет. Я сделал скромную запись в дневнике, проглотил булочку от повара Джо, и опять уснул, теряя счет времени.

День десятый или одиннадцатый

Не могу точно сказать, какой сейчас день.

Возможно, я спал несколько суток даже. Проснулся во тьме. Снаружи за пещерой было дольно холодно. Я слышал, как море шумело во тьме. Я заплакал в эти минуты впервые за долгое время. Может быть, я просто морально устал, а, может быть, просто понимал, что смерть может забрать меня с собой, как и моих товарищей по несчастью с корабля.

Чувство голода было неистовым. Я достал из коробки более-менее свежие фрукты. Ел их. Заснул на часок, может чуть больше.

Проснулся вновь. Пытался выбраться из пещеры, но большая слабость в теле не давала мне ничего такого подобного сделать.

День двенадцатый

Рука моя посинела или позеленела даже. Она опухла. У меня самые плохие мысли и предчувствия. Я постоянно думаю о смерти. Смотрел днем через прореху в небо. Там синева потом сменилась чистым звездным небом. Звезды, как бриллианты, они кажется, что-то хотят сказать людям на земле. Не просто же Бог создал эти звезды там вдали. Что они нам говорят помимо навигации в море?

День тринадцатый

Я едва ли могу уже отличить реальность от моих тяжелых сновидений пронизанных мучительной болью. Жар сменяется ознобом. Кажется, я все же умру скоро. Я знаю этот привкус смерти. Она не страшная совсем. Забирает человека, что тот не замечает ее даже. Не знаю, почему ее люди боятся.

Во снах видел отрывки собственной жизни из прошлого. Оксфорд видел в пелене дождя. Отец во фраке разговаривал при мне с соседями. Набатом звучал колокол местной церкви. Потом и это пропало. Растворилось в пустоте забытых видений. Я видел свет далекий и пульсирующий.

День четырнадцатый

Кажется, я сегодня бредил. Во сне ко мне приходил кто-то светящийся и улыбающийся. Я видел, как он вышел откуда-то с берега. Старик шел ко мне. Его тело излучало изнутри свет, словно внутри него был светильник какой-то. Отчего его руки выглядели, как белоснежный мрамор наполненный светом.

Он сказал мне, что я должен еще жить. Потом старик ушел, я же лежал в темной пещере один. Через прикрытые веки видел звездное небо. Оно было такое же спокойное и мирное. Во тьме разгорались звезды. Их свет достигал земли...

День пятнадцатый

Что-то есть там в небе. Я теперь это точно знаю. Есть чудеса! Существует природа и силы неподвластные нам. Еще там наверху за звездами есть Бог. Великий и всемогущий Господь Бог, что иногда смотрит на наш мир через звезды. Ему печально чуточку, глядя на наш мир. Мы его совсем забыли, а Он в свою очередь забыл нас.

Я проснулся именно с такими мыслями. Я не думал более о смерти и жизни. Я думал только о Боге. Еще я думал, кто же был тот, кто приходил ко мне ночью. Светящийся облик, что вернул меня к жизни. Отек на руке спал. И цвет у нее был более здоровый уже. Кажется, мне суждено жить дальше на этой земле.

Я очень ослаб. Из коробки продолжал выгребать провизию. Ел все подряд, что там было. Запасливый был все-таки Джо, что оставил мне столько продуктов. Это тоже везение.

День шестнадцатый

Я впервые выбрался из своего убежища. Шел к морю, оставляя на песке отпечатки своих ног. Корабль еще больше обмяк. Волны разносили его фрагменты по берегу, а также уносили в море доски. Кажется, я остался совсем один в этом месте. Все погибли: капитан и его команда.

Опять поиск еды и воды. Это становится все более значимой проблемой для меня, на решение которой уходит все больше времени.

День семнадцатый

Меня пугает перспектива остаться застрять в этом месте надолго одному. Сегодня с утра, я исследовал контур суши. Кажется, что это остров или полуостров. На обратном пути собирал моллюски с песка. Только ветер со мной разговаривал в этом месте. Он же трепал мои волосы и обдувал лицо соленой свежестью.

Мне тоскливо и одиноко. Я частенько подхожу к своему кораблю, смотрю на то, как его поглощает море. Все ценное я утащил уже на сушу в свое убежище. Даже, казалось бы, бесполезные куски дерева, я забрал к себе, которые мог утащить самостоятельно.

День восемнадцатый

Заканчиваются чернила. Скоро я перестану вести дневники. Кажется, я тут застряну и надолго. Тем не менее, я продолжаю писать и вести эти скудные записи, что отличают меня от животных и птиц, которые не осознают своего бытия. Тут частенько я слышу, как пищат какие-то животные в моей пещере. Наверное, это мыши или кто-то вроде них. Мелкие грызуны. Еще я слышу, как птицы распевают свои песни поутру. А над морем мелькают образы чаек.

Когда я смотрю на море вверх, то, кажется, что как и раньше нахожусь на корабле. Там ничего не поменялось. Мятущееся море. Небо то, чистое, то затянутое серо-безликими тучами. И чайки, что кружат над водной гладью в поисках пищи.

День девятнадцатый

Записи свожу до минимума. Экономлю. Истратил свой день на поиски еды и обустройство своего жилья. Нужно еще много работать. Желудок начинает сводить от судорог и болей, потому что я мало ем. Я собираю фрукты, какие тут есть. Дни солнечные и теплые. Море успокоилось, вот только жаль, что корабля моего его уже нет...

День двадцатый

Боже мой, почему ты оставил меня здесь?! Я так одинок в этом месте. Я выживаю на этой безымянной земле.

День двадцать первый

Поиск еды. Нашел ручей с довольно хорошей по качеству водой. Небо отвечает мне на молитвы.

День двадцать второй

Я почему-то думал про своих девушек прошлого, после того, как сумел найти достаточно еды и набить желудок едой с достатком.

День двадцать третий

Чернила кончились. Чернильница, я тебя посылаю к черту! Ненавижу свою чернильницу. Мне не нужна чернильница. Выкинул ее в море, пусть тонет на дне.

Больше не могу изложить свои мысли в моем днев...

Часть 2. На безымянной земле

День двадцать четвертый

Этот день не принес избавления от одиночества Джон Вуду. Он вчера выкинул чернильницу в море. Иногда он разговаривал сам с собой. Так бывает, когда ощущаешь себя особо одиноким. Не было собеседника тут. Корабль «Синяя птица» утонула на берегу, разваливалась по кускам от набегающих волн моря. Море синевой сливалось у горизонта с таким же прекрасным чистым небосводом. Солнце бродило в вышине, заливая все вокруг: пляж, прибрежные заросли неизвестных Джону деревьев. Он ничего не знал об этом окружающем мире. Некогда рожденный в Оксфорде, бывавший лишь в окрестностях своего города, а также пару раз в Лондоне, он ничего не знал об этой безымянной земле.

«Что-то там же будет за тем горизонтом?» – размышлял матрос, устало волоча свои ноги по золотистому песку. Справа от него были скалы черные и неумолимые они стояли гордо насупротив моря, что пыталось разрушить их. Это исполины времени, что застыли, кажется, однажды, когда-то раньше. Их заколдовали. Это было давно. Еще в эпоху гигантов и богов, что боролись за эту землю. Все они погибли, либо умерли, а может, улетели куда-то далеко к звездам

в другие миры. И теперь тут были лишь только люди, что исследовали свой мир.

День двадцать пятый

Матрос с трудом открыл глаза поутру. Смотрел какое-то время в потолок.

– Боже мой, за что ты меня тут оставил? – Хрипло просипел Джон и протянул руки вверх.

Ответов не было. Снаружи шумело лишь море. Сейчас моряк не ругался, как раньше было на корабле, применяя ужасные ругательства. Он просто устал от всего происходящего, что случилось с ним за последние дни.

Небо чуть хмурилось. Чайки тревожно носились над морем. Возможно, они предчувствовали наступающую бурю, что шла на эту землю.

Вуд продолжал сидеть в своей пещерке. Ел моллюсков, сплевывая иногда особо горькие не вкусы, что попадались среди них. Песок, глина или еще что-то, что занесло море в этих созданий.

К вечеру действительно разыгрался шторм. Тучи сгустились до устрашающих темно-черных тонов. Сначала небо сдерживало дождь. Затем посыпались крупные капли холодного дождя. Море забушевало там вдали. Ветер нестерпимо сильный выдувал все, что не имело опоры тут. Пальмы трепыхались и гнулись так сильно, что Джону Вуду, казалось, что они сломаются. Он всматривался в те невероятно мощные природные процессы, что развертывались за предела-

ми его убежища. Ветвистая молния пронзала темное небо. Вспышка на доли мимолетного времени разливалась, освещая все вокруг.

– Отец, ты знаешь, что я тебе скажу? – Начал вдруг разговаривать сам с собой Джон.

Проследовала пауза.

– Ты действительно это хочешь знать? Хорошо. Я скажу, что я попал на какую-то землю. Это неизвестная земля. Я тут совсем один. А ты матушка, что скажешь по этому поводу?

Гром гремел снаружи, а потерпевший крушение продолжал сидеть в пещере один, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

– Матушка, ты права. Прости меня. Но все не так плохо. Я действительно не послушал вас, но за все я сам держу ответ. Поверьте мне...

Мужчина замолчал. Его лицо покрыла уже борода, что некогда была щетиной. Это была безобразная борода. Она ничего не имела общего с красивой английской бородой у каких-то солидных лордов, что гуляли в цилиндрах по улицам Лондона. Еще они держали в руках частенько трости с позолотами на рукоятке. Некоторые из них носили монокли. Это тоже придавало им какую-то статность и значимость, помимо отличных фраков и лакированной обуви.

Джон Вуд был сейчас один и вдали от дома. Там снаружи неистово бушевал шторм, а он прятался от дождя, ветра, молний и моря тут.

День двадцать шестой

Буря стихла. Джон проснулся с мыслями о доме. Еще он в какой-то момент начинал понимать, что постепенно сходит с ума от одиночества. Оно убивало в нем старого матроса, что уверенно носился по кораблю. Там он драил палубы, спускал, поднимал паруса. Еще он на берегу с жадностью упивался любовью девушками и женщин разных сословий. В кабаках в укромных местах он приносил им счастье и сам получал от этого удовольствие. Так бывало каждый раз, когда «Синяя птица» швартовалась в каком-нибудь довольно крупном порту.

— Боже мой! Сегодня двадцать шестой день, а я еще здесь... — мужчина жаловался небу, но, то хранило безмолвие. — Ты хочешь, чтобы я совсем сошел с ума от одиночества? Или ты хочешь, чтобы я куда-то плыл еще...

Джон замолчал, посмотрел в испещренный трещинами свод низкой пещеры. Она, наверное, больше походила на нору, чем на пещеру. И сам он был не пещерный человек. Вуд был моряком, который уцелел после кораблекрушения и схоронился в махонькой прибрежной выбоине. Грот сформировало море тут некогда. Видимо, граница морских волн доходила до таких участков земли. Они вылизали в скале эту впадину.

Солнце заливало пейзаж светом. Джон выбрался наружу.

Искал опять моллюсков на берегу моря. Его уже воротило от этой пищи, честно говоря. Однако другой еды у него не было.

Уже в сумерках, когда дневное светило упало за горизонт, Джон Вуд соорудил на пляже подобие искусственного памятника или призыва к тем, если кто-то приплывет сюда. Хотя на это шансов было очень мало. Это прекрасно осознавал Джон. Бесполезные камни. Тщетные надежды. Так мало просвета тут во тьме. Есть только он разговаривающий сам с собой, и никого больше.

День двадцать седьмой

Сизые сумерки уступили место новому рассвету. Джон еще какое-то время ворочался на своей «кровати». Она представляла собой кучу сухой травы, которая излучала запахи, как бывает, когда лежишь на сеновале. Что мог принести этот новый день Джону Вуду? Ничего...

Джон проснулся. Разглядывал свою поврежденную левую руку. На запястье красовался большущий шрам от наемника в Египте. Ржавый гвоздь также оставил свой след. Рука визуально была поврежденной. Это было заметно. С этим ничего нельзя было поделать. Однако Джон печалился не по этому поводу. Он хотел вырваться из этого заточения.

День прошел в поиске пищи. Во второй половине дня матросу удалось поймать и убить какую-то нерасторопную птицу довольно крупных размеров. Он напал на нее сзади, ударив по ней своей доской, которую он в свое время притащил с «Синей птицы». В криках птица умерла. Джон еще ошипывал в пещере. Затем мучительно долго разжигал костер. Натаскал возле пещеры сухой травы и веток, которых нашел в окрестностях своего жилья.

Засыпал он с чувством умиротворения. В провизии у него от корабельного повара осталась еще соль. Потому свою убитую птицу Вуд посолил, и ел с особой жадностью. Это казалось ему райской едой, после ежедневных поеданий моллюс-

ков.

– Боже ты меня слышишь? – Джон смотрел вверх, на небо. Там сияли яркие и пронзительные звезды. Они несли какую-то смысловую информацию для человека, что заплутал и застрял на этой безымянной земле.

Ответа не было. Небеса хранили молчание. Свист разносился в ночи откуда-то из перелеска. Во мраке джунглей кто-то распевал песни...

День двадцать восьмой

Джон утром обнаружил на берегу какой-то сундук, что почти развалился. Его выбросило на песок ночью. Матрос исследовал его. Он был забит какими-то сырыми тряпками. Еще там были склянки и бутылки. В одной из них был ром. Во второй было старое французское вино, что приятно пахло. Отчего Вуд даже слегка улыбнулся.

«Спасибо тебе, Боже!» – Воскликнул мужчина, глядя наверх в небо.

Небо не было, пронзительно синим, как раньше. Перистые облачка затягивали высоту...

Последняя находка в сундуке порадовала больше всего. Там было склянка с чернилом. Он снова мог писать свои дневники.

День двадцать девятый

Джон напился. Выпил французское вино. Опустошил бутылку до последней капли. Потом матрос откупорил ром. Опорожнил и ее, оставив лишь чуть-чуть для обработки ран спирта.

Пьяный дурман пришел к Вуду. Он распевал песни, бродя по песчаному берегу в полном одиночестве. В руках он продолжал сжимать бутылку с ромом.

«Море, море... А море, море. Забери меня с собой!» – благим матом продолжал кричать моряк в сумерках. Тьма захлестнула небо. Заката не было видно тоже. Темные джунгли наполнялись гомоном местных обитателей. Там мириады живых существ ползали, порхали и бродили под сенью южной ночи.

Уснул Джон Вуд поздно ночью в своей пещере. В гроте помимо него еще кто-то жил. Пищали мыши, таща у него провизию: засохшие хлебные куски.

Часть 3. Мальва

День тридцатый

Я опять начал писать дневники. У меня появились чернило. Бумага тоже еще есть. Я этому безмерно рад, честно говоря. Сегодня кажется тридцатый день с момента, когда я опять начал писать дневники. Когда-то раньше я писал их, когда жил в Оксфорде. С тех пор многое, что изменилось в моей жизни. Я не в Англии. Я на каком-то необитаемом острове. Я исходил эту землю вдоль и поперек, осознав, что тут даже не полуостров.

Вчера я много пил. Нашел на берегу моря сундук с алкоголем. Еще я нашел чернило. Собственно, почему и начал опять писать дневники свои. Потребность вести заметки по собственной жизни очень важны для меня.

День тридцать первый

Проснулся я поздно. Много думал о своей жизни. К чему я пришел? Да ни к чему хорошему. Я сейчас торчу на острове совершенно один.

Я перечислю моменты настоящих дней, которые вызывают раздражение у меня:

Во-первых, я страдаю от одиночества. Тут совершенно нет людей. И это очень удручает меня. Все люди социальные существа. Я не исключение.

Во-вторых, я давно не имел отношений с девушками. Эта проблема вытекает из первой. Это тоже загоняет меня в ступор. С этим я пока ничего не могу поделать.

Третья причина моего раздражения – отвратительная и скудная еда. При взгляде на моллюски по моему телу уже ползут мурашки, но выбора у меня нет. Фрукты я ем, но их мало. Мясо я вовсе редко употребляю. Вспомнил сразу почему-то про ту куропатку, которую я убил доской от корабля. Славный был тот вечер, а я с полным брюхом смотрел в звездное небо.

Последняя причина, я не могу находиться, в одном месте долго. Мне нужно плыть и куда-то далеко. Меня зовет море, но я никак не могу выбраться с этого чертового острова. Я могу только писать эти дневники, и искать еду себе.

День тридцать второй

Во сне меня преследовали какие-то эротические фантазии. Я кувыркался с какой-то красоткой с длинными волосами. Нам было хорошо. Боже мой, как я скучаю по девушкам. Надеюсь, что я когда-нибудь выберусь с этого острова.

Небо сегодня было хмурым. Наверное, скоро будет опять шторм. Моя интуиция обычно не подводит меня. Натаскал новой травы в свою пещеру. Теперь моя постель будет более мягкой, чем раньше и душистой. Я все как и раньше общаюсь сам с собой. Собеседников у меня нет тут.

День тридцать третий

Ночью был шторм. Затяжной и холодный он рвал листву на пальмах. Море ревело во тьме, но меня это мало как касалось. Я спал как младенец, который напротив, засыпал еще крепче, оттого что его мать убаюкивала в своей кровати.

К утру все стихло, но вместе с тем меня ждал неожиданный сюрприз. На берегу моря я обнаружил какую-то незнакомку, что лежала на песке без чувств. Я проверил пульс у блондинки. Она была жива. Утащил ее к себе в грот-пещеру. Там она пришла в себя. Сначала незнакомка испугалась сильно меня. И действительно я выглядел сейчас ужасно. Оброс волосами и был не так чист телом, как раньше. Исхудал еще сильно.

Я благодарен Богу, что я наконец-то не один. Это действительно очень хорошо.

На вопросы мои, о том, откуда она и как ее зовут, девушка ответила мне, что ее зовут Мальва, сама она родом откуда-то с южных островов Атлантики, что принадлежат Великобритании.

Я напоил девушку водой из ручья. Кормил ее моллюсками, затем вынул из коробки остатки пищевых запасов от поваря Джо, который, скорее всего, погиб, как и весь мой экипаж «Синей птицы».

Пришлось еще натаскать еще из джунглей камышовой растительности, чтобы обеспечить себе ложе. Свою «кро-

вать» я отдал Мальве. Думаю, она будет довольна.

День тридцать четвертый

Я проснулся сегодня с осознанием того, что я уже более не один тут. Перестал сразу разговаривать сам с собой и вообще бросать в пустоту какие-либо реплики-мысли. Все изменилось. Теперь я не один на этом острове. Со мной была Мальва. Она не похожа на англичанку. Скорее француженка по корням. У нее красивые утонченные черты лица, бледно-лицая, белокурые волосы и сама она хрупкая девушка, что просто чудо, что она выжила после шторма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.